

Глава 3. Поместье Разбитой Воды в городе Легкого Инея (Часть 2)

— Цинхань, Цинхань, Шэнь Цинхань!

Мо Наньфэн преследовал его от самых городских ворот. Легкость движений Шэнь Цинханя была поразительной: тому стоило лишь коснуться земли, как он взмывал ввысь, словно пушинка. Наньфэну пришлось нестись во весь опор больше десяти ли, прежде чем впереди забрезжил знакомый бледно-бирюзовый силуэт.

— Да что же... что же ты... — задыхаясь, пробормотал Мо Наньфэн. Казалось, ещё мгновение, и дух испустит. Он из последних сил рванулся вперёд и вцепился в рукав Шэнь Цинханя, грубой силой заставляя того остановиться. — Что ты бежишь от меня, стоило только завидеть?

— Глядеть на тебя тошно, — коротко бросил Цинхань.

— На меня?! — Мо Наньфэн ловко крутанулся и заступил ему дорогу, широко раскинув руки. — Эта девчонка при всём честном народе выставила тебя на торги, как какого-то щенка или поросёнка! Я всего лишь хотел проучить её ради тебя.

— А я считаю, она в чём-то была права.

— Права? В чём же именно?

— В том, что ты — зарвавшийся самодур, возомнивший, будто тебе подвластно всё в этом мире. Весьма точное описание твоего характера.

— Чепуха! Я человек вольный, из мира боевых искусств. О каком самовластии речь? Девчонка книг не читает, несёт околесицу, в которой ни начала, ни конца, но ты-то... Почему ты ей поддакиваешь?

— Скажи мне, зачем наставник отправил нас с гор?

— Чтобы забрать сокровище из Поместья Разбитой Воды.

— И как ты думаешь, отдадут ли его нам теперь люди из семьи Шуй?

— А почему нет? Я прибыл по поручению наставника. Неужели они позволят личным обидам помешать делу?

— Будь я на их месте — ни за что бы не отдал. А если бы и решился, то лишь после того, как вдоволь поиздевался бы над тобой.

— Цинхань, ну как ты можешь... — жалобно простонал Мо Наньфэн. С видом побитой собаки он смотрел на друга, будто тот уже отобрал у него всё ценное. — К тому же я ещё давным-давно объявил на всю Поднебесную: кто обидит Шэнь Цинханя — тот бросает вызов мне. Если бы я сегодня спустил ей это с рук, завтра и послезавтра потянулись бы новые желающие проверить, насколько искренне моё сердце предано тебе.

— Идиот.

Чем больше распался Мо Наньфэн, тем ближе его лицо оказывалось к лицу спутника. Шэнь Цинхань двумя пальцами упёрся ему в лоб и с силой оттолкнул.

Цинхань не любил лишних слов. Он предпочитал действовать быстро и решительно, но Мо Наньфэн был его вечным наказанием. Тот преследовал его десять лет день за днём. В попытках отогнать этого назойливого «хвоста» Шэнь Цинхань не скупился на резкости. Однажды он даже бросил ему в лицо жестокое: «Ты меня не достоин».

Но Мо Наньфэн никогда не сдавался. Его кожа была толще крепостной стены. И хотя тогда, в пору юности, сердце молодого господина Мо обливалось кровью от слов того, кто ослепил его своей красотой с первого взгляда, он терпел.

Как-то ночью Шэнь Цинхань засиделся за тренировками и, проголодавшись, отправился на кухню в поисках маньтоу. Там-то он и увидел Мо Наньфэна — гордый наследник знатного северного рода Мо рыдал навзрыд, забившись в копну соломы.

Юноша, который должен был купаться в роскоши и внимании, добровольно пришёл на вечно заснеженные горы Куньлунь только ради него — чтобы вместе тренироваться, защищать его и служить громоотводом для холодного гнева. Какую бы боль Мо Наньфэн ни испытывал, стоило Шэнь Цинханю лишь слегка улыбнуться, и он считал, что всё было не напрасно.

Глыба вечного льда оставалась холодной десять лет, и ровно столько же рядом с ней бушевало неугасимое пламя. Мо Наньфэн действительно любил Шэнь Цинханя. Любил так, что готов был вырвать собственное сердце.

Они брели по дороге, один за другим, позабыв о важном поручении, ради которого прибыли в город Легкого Инея.

Когда слуги помогли Шуй Юньцин войти в дом, гнев в её груди всё ещё не утих. Слезы на лице просохли, но она пребывала в каком-то оцепенении. Барышня долго сидела, баюкая свои длинные волосы, а когда очнулась, разразилась пронзительным криком:

— Будь ты проклят, Мо Наньфэн! Как он посмел... как посмел покуситься на волосы этой

почтенной дамы!

— При его умениях он мог бы тебя убить, и никто бы слова не сказал. Отрезанный локон — сущая мелочь, — раздался спокойный голос.

— Папенька!.. — в крайнем возмущении воскликнула Шуй Юньцин, обращаясь к Шуй Чантяню. Тот сидел на почётном месте и с великим тщанием протирал шёлковым платком лезвие меча. — Вы что же это, считаете, что этот Мо Наньфэн в своём праве?! Мужчина издевается над девушкой, а вы его защищаете?

— Мо Наньфэн давно объявил в мире боевых искусств, что жизнь Шэнь Цинхана дороже его собственной. А ты устроила этот позорный поединок за право на нём жениться. Как ты думаешь, имел он право разозлиться?

— Хм! — Юньцин сердито плюхнулась в кресло и демонстративно отвернулась.

— Впрочем, у меня есть кое-что, что поможет тебе вернуть должок и унять обиду.

— Что это? — Девичье сердце отходчиво. Всего пара слов — и гнев как рукой сняло. Юньцин с любопытством уставилась на отца. Увидев, как тот вкладывает меч в ножны, она указала на него пальцем: — Это оружие?

— Именно оно.

— Папенька, что это за меч? — Она осторожно приблизилась, разглядывая длинный клинок, который отливал зловещим багряным цветом и, казалось, источал едва уловимый запах крови. — Почему от него так веет жутью? Не похоже на вещи из нашего поместья.

— Это действительно не вещь Поместья Разбитой Воды. И уж тем более — не их гор Куньлунь.

— А чья же?

— Слышала ли ты о Сяовэньском хоу из Цзибэй?

— Хоу Сяовэнь? Тот самый безумный господин? — Юньцин вздрогнула от изумления. — Папа, неужели это его клинок? Если так... не слишком ли опасно держать его у себя?

— Силы хоу Сяовэня уже не те, что прежде. Поговаривают, он практиковал тёмные искусства, столкнулся с обратным ударом и почти полностью лишился своей внутренней мощи. Теперь он вряд ли одолеет даже тебя.

— Ну уж нет! Я бы и в жизни не хотела встречаться с этим человеком, — Юньцин замахала руками, побледнев от одной мысли о такой встрече.

В те времена, когда Ин Сыинь, носивший титул хоу Сяовэня, боролся за трон с нынешним императором Сииня, по миру боевых искусств прокатилась кровавая буря. Каждый тогда дрожал за свою жизнь, гадая, чью сторону принять. Усобица длилась четырнадцать лет, пока не зашла в тупик. Но в один прекрасный день Ин Сыинь внезапно опубликовал указ: ссылаясь на слабое здоровье, он добровольно уступал престол четвёртому брату. После этого он, не оглядываясь, забрал семью и верных людей, уехал в своё поместье в Цзибэй и заперся там. С тех пор прошло шесть лет, и он ни разу не покидал своих земель.

Официально — из-за недуга, но в народе шептались, что Ин Сыинь пострадал от собственной жестокости. Мог ли властный хоу, чей меч когда-то остановил десятитысячную армию и так пропитался кровью, что сталь навсегда осталась багровой, внезапно просто «заболеть»?

К тому же хоу слыл человеком крайне неразборчивым в связях: и женщин, и мужчин в его поместье забирали десятками. И поговаривали, что больше этих несчастных никто никогда не видел.

— Папа, а как этот меч оказался у нас?

— Его прислали из Имперской столицы. — Шуй Чантянь коснулся лезвия Кровавого меча и покачал головой. — Клинок превосходный, да только жажда крови в нём слишком сильна. Когда хоу покидал столицу, Его Величество потребовал оставить личное оружие. С тех пор меч хранили в храме предков императорской семьи. Но три дня назад в столице разразилась гроза. Молния ударила прямо в крышу храма, пробила потолок и разнесла в щепки ларец с мечом. Клинок выкатился наружу. И в ту же ночь, когда он вновь увидел свет, в столице произошло шесть загадочных убийств.

— Какая жуть! — вскрикнула Юньцин. — Зачем же нам в доме такая проклятая вещь?

— Он здесь проездом. Меч должен попасть на Куньлунь. Его Величество приказал чжэньжэню Сими зарыть этот клинок глубоко у подножия гор Куньлунь, чтобы вечные снега и печати усмирили души тех несчастных, что пали от его стали.

— Так Мо Наньфэн и Шэнь Цинхань прибыли за этим мечом?

— Именно.

— Но они же ушли!

— Они вернутся. Ведь дело это — исключительной важности.

«Вернутся?»

Глаза Юньцин хитро блеснули. Она тут же протянула руку к отцу:

— Папенька, отдайте его мне. Я сама вручу им этот клинок.

— Ого, уже не боишься проклятия?

— А чего бояться? Этот хоу Сяовэнь — просто старый грешник, которого придавило весом собственных преступлений. Одной ногой в могиле, долго не протянет. С чего мне бояться куска железа?

— Ну что же... — Шуй Чантянь заботливо обернул ножны парчой и передал дочери. — Подразни их немного, выпусти пар, но меч обязательно отдай.

— Знаю, папа. Я просто проучу этого наглеца Мо Наньфэна, а Шэнь Цинханя приглашу в дом на кувшин доброго вина. Обижать их я не стану.

Шуй Чантянь понимающе кивнул.

Когда Мо Наньфэн привёл Шэнь Цинханя обратно в город Легкого Инея к поместью Разбитой Воды, уже начало смеркаться. Уличные торговцы сворачивали свои лавки. Наньфэн успел добежать до пекарни и на последние два медных гроша купил горячую лепёшку со свиной.

— Цинхань, ты наверняка проголодался. На, поешь.

— Не хочу, — Шэнь Цинхань отвёл его руку.

— Но ты же весь день ничего не ел! Как можно не хотеть?

— Я не люблю лепёшки.

— Тогда, может, принести тебе хуньтуней?

— Я не люблю хуньтуни.

— И хуньтуни не любишь... — Мо Наньфэн в замешательстве поскрёб затылок. Вдруг его лицо просияло. — Точно! вспомнил! Ты больше всего на свете любишь рисовые лепешки с

османтусом. Но на Куньлуне османтус не растёт, поэтому каждый август я втихомолку сбегаю с гор, чтобы нарвать тебе целые корзины цветов. Из свежих мы делали вино, из сушёных — сладости.

Радость в его глазах погасла так же быстро, как и вспыхнула.

— Но сейчас ведь только март... Вряд ли их где-то продают.

— Давай найдём место для ночлега, — отозвался Цинхань. — К помещику Шуй зайдём завтра утром.

— Эх, Цинхань, ты точно не хочешь перекусить? Что, если проголодаешься посреди ночи?

— Если проголодаюсь — встанешь и приготовишь мне ужин. Какие проблемы?

— И то верно! — Мо Наньфэн подпрыгнул от радости и зашагал впереди. — Цинхань, когда мы входили в город, я заметил одну неплохую гостиницу. Нам туда.

Шэнь Цинхань, несмотря на весь свой ледяной облик и мастерство, обладал одной досадной слабостью: он совершенно не ориентировался в пространстве. Он мог вернуться лишь тем путём, которым пришёл; стоило ему свернуть в незнакомый переулок — и он пропадал. Именно поэтому десять лет назад, отправившись на Куньлунь к наставнику, он случайно наткнулся в придорожной чайной на Мо Наньфэна, который с тех пор не отходил от него ни на шаг.

Что ж, пожалуй, это было то самое несчастье, которое обернулось благом.

<http://bllate.org/book/17523/1648583>